

Ли Пинъань ворочался с боку на бок, не в силах сомкнуть глаз.

Смерть Сяо Чжунцзы легла тяжким грузом на его сердце. Раньше он полагал, что четверо, делящих одну спальню, если уж не братья, то по крайней мере хорошие друзья. Теперь же он осознал: это было лишь взаимное использование, попытка согреться в общей куче, и о какой-либо искренней привязанности не могло быть и речи.

На следующее утро Ли Пинъань, как обычно, встал умываться и по привычке наполнил три таза водой. Затем, смочив полотенце, он принялся омыwać лицо покойного Сяо Чжунцзы — по деревенскому обычаю, человек должен прийти в мир чистым и уйти таким же.

Сяо Фанцзы, открыв глаза, увидел, как Ли Пинъань дотошно приводит в порядок останки, и вдруг произнес:

— Сяо Аньцзы, если в будущем чего-то не поймешь, можешь спрашивать у меня.

— Чем я могу отплатить тебе, евнух Фан? — в голосе Ли Пинъаня сквозила обида.

— Когда я умру, тоже поможешь меня обмыть, — Сяо Фанцзы помедлил и добавил с тоской: — В этом дворце каждый прожитый день — милость государя. Вчера это был Сяо Чжунцзы, а сегодня, кто знает, может, и я.

Ли Пинъань был глубоко согласен с ним. Едва прошел месяц с его прибытия во дворец, как он чуть не попал в пасть тигра. Лишь благодаря лютой решимости изувечить себя, чтобы изменить черты лица, да капле везения, ему удалось избежать домогательств старого евнуха. Сяо Фанцзы и остальные жили здесь уже более двух лет, и никто не знал, сколько раз они стояли на пороге смерти.

По пути на кухню Сяо Фанцзы и Сяо Юаньцзы шли впереди, а Ли Пинъань молча следовал за ними. Без любившего поболтать Сяо Чжунцзы атмосфера казалась гнетущей.

— Вот так-то лучше, — Сяо Юаньцзы вновь обрел привычное добродушие. — Я тоже сочувствую Сяо Чжунцзы, но нельзя же из-за него навлекать гнев высокопоставленных лиц и подставлять себя. Как и ты: даже если я тебе не по душе, нельзя же нам расходиться в разные стороны, иначе нас тут же сожрут. Хе-хе-хе, в конце концов, мы все здесь одного поля ягоды!

Ли Пинъань опустил голову, храня молчание. Слова Сяо Юаньцзы звучали неприятно, но они били прямо в суть выживания и человеческой природы.

На полпути они встретили процессию наложницы Юань: два-три десятка евнухов и служанок окружили её плотным кольцом, шествуя с вызывающей спесью. Троица поспешила к стене и склонилась в поклоне:

— Рабы приветствуют наложницу Юань.

Ли Пинъань был наслышан об этой знатной даме. Её старший брат был великим полководцем, чьи войска сметали северных варваров, не зная поражений. Государь души не чаял в

наложнице Юань и часто оставался ночевать во дворце Чжаоян. Именно поэтому евнухи, служившие там, стояли на ступень выше остальных.

Лишь когда процессия скрылась из виду, трое поднялись и продолжили путь. Они предпочли бы задержаться и прийти на кухню, когда останутся лишь объедки, чем попасться на глаза знатной особе. Евнухи во дворце — это не люди, а всего лишь вещи: столы, стулья, горшки да плошки. Если такая вещь прогневит госпожу, не нужно даже искать повод — достаточно приказать утащить её и забить до смерти. Кто станет вступать в спор из-за сломанного горшка?

Ли Пинъань не считал, что это неправильно. Он не знал, что такое права человека или сопротивление. Раз уж он ест дворцовый хлеб, значит, его жизнь принадлежит государю и знати, чтобы те могли распоряжаться ею по своему усмотрению.

На кухне Ли Пинъань наполнил миску густой кашей, нанизал на палочку шесть лепешек и принялся жадно поглощать еду.

— Живот прошел? — поинтересовался Сяо Фанцзы.

— Прошел, прошел!

Ли Пинъань, не поднимая головы, продолжал жевать, словно пытаясь наверстать всё то, что не съел за последний месяц.

Сяо Фанцзы, не спеша помешивая кашу, вдруг сказал:

— О причудах евнуха Чжоу Сяо Чжунцзы знал давно.

Ли Пинъань на мгновение замер, но тут же ответил как ни в чем не бывало:

— Я и сам догадывался. Знал, насколько страшен евнух Чжоу, поэтому, раз вы не вызвались помочь сами, я и не стал вас обременять.

На словах всё звучало легко, но на душе стало холодно. Доброе, улыбающееся лицо Сяо Чжунцзы в его воображении начало расплываться и искажаться, пока половина лица не превратилась в хмурую, холодную маску Сяо Фанцзы.

— Хорошо, что ты понимаешь, — кивнул Сяо Фанцзы. — В дворцовой жизни ни на кого нельзя положиться, кроме как на самого себя.

— Я запомню твой совет, евнух Фан.

Ли Пинъань покосился на Сяо Юаньцзы, который был занят едой, гадая, относились ли слова Сяо Фанцзы и к ним двоим.

После еды они по обыкновению направились в Зал Внутренних Боевых Искусств. Едва войдя, он увидел, как младшие евнухи окружили Сяо Юньцзы, расточая ему те же лестные слова, что когда-то говорили Сяо Гуйцзы и ему самому. Ли Пинъань потер лицо, которое из квадратного стало округлым, отбросил все эмоции и принял такой же угрюмый вид, как у Сяо Фанцзы. Он нашел укромный уголок, сел и открыл Канон Лотоса.

Заметив это, соседние евнухи поспешно отодвинулись — методы, которые Сяо Жунцзы продемонстрировал вчера, были пугающими, лучше держаться подальше.

До самого прихода евнуха Чжоу Сяо Жунцзы так и не появился. Ли Пинъань почувствовал легкое разочарование, но в душе у него уже не осталось иных стремлений. После случившегося с Сяо Чжунцзы у него пропало всякое желание заводить друзей. Какие могут быть чувства во дворце? Одно лишь взаимное использование!

Пыль мира сковывает сердце, Белый Лотос избавляет от бед, одна мысль — и всё пусто...

Он перечитывал Канон снова и снова, пытаясь постичь истинный смысл. Ли Пинъань уже освоил технику целиком и получил общее представление о меридианах, оставалось лишь отточить детали движения Истинной Ци.

— Вечером попрошу совета у Сяо Фанцзы, нужно как можно скорее взрастить Истинную Ци!

Раньше Сяо Жунцзы спрашивал, как он собирается отплатить за наставничество, и тогда Ли Пинъань не нашелся что ответить. Теперь ответ был найден: дожидаться смерти благодетеля — и долг будет погашен сам собой. Разве милость Сяо Чжунцзы, который заботился о братьях Фан и Юань, не рассеялась теперь как дым? У Ли Пинъаня еще оставались принципы, он не помышлял о подлых методах устранения благодетелей, но как долго продержатся эти принципы, он не знал.

Во второй половине дня началось обучение правилам поведения. Евнух Сюй, как всегда, был суров и жесток, используя младших евнухов в качестве мишеней для метания скрытого оружия. Чем пронзительнее раздавались крики, тем сильнее он возбуждался. Ли Пинъань уже начал привыкать: во дворце не было нормальных людей. Чем дольше здесь находишься, тем сильнее искажаешься, пока не превратишься в невнятный кусок плоти, лишь отдаленно напоминающий человека.

День сменялся ночью. Прошел еще месяц.

Ли Пинъань дни и ночи напролет усердно учился и смиренно просил совета, пока не выучил Канон Лотоса наизусть, став готовым к практике.

В то утро Ли Пинъань не пошел в Зал Внутренних Боевых Искусств, а отправился в соседнюю комнату для медитаций. Она была разделена деревянными перегородками на множество ячеек, в каждой из которых стояли подушка и курильница. Ли Пинъань выбрал пустую, сел, скрестив ноги, и зажег остаток ароматической палочки.

Сизый дым вился в воздухе, постепенно вводя его в состояние покоя.

Ли Пинъань прикрыл глаза, вспоминая наставления Канона. После двенадцати циклов дыхания, как было предписано в начале, в его меридианах зародилась слабая нить Истинной Ци.

Ци движется по переднесрединному меридиану, кровь обращается вспять, затылок горит

огнем, таинственная самка рождает холод...

Истинная Ци следовала по путям, указанным в трактате, с каждым пройденным участком становясь всё сильнее. Завершив один круг, она вернулась в нижнюю киноварную область — Даньтянь.

— Согласно словам Сяо Фанцзы, главный показатель таланта в боевых искусствах — скорость прохождения круга. У одаренных уходит полпалочки, у средних — две, а у бездарных — вдвое больше...

Ли Пинъань взглянул на курильницу: сгорела лишь крошечная часть палочки, примерно четверть.

— К какому же уровню относится мой талант?

Определенно, высший из высших. Был ли он гением, Ли Пинъань не знал, да и не особенно задумывался.

— Мне не нужно в Управление Церемониалов или Управление Печатей. Я всего лишь хочу служить на Императорской Кухне, какая разница, гений я или нет.

Он своими глазами видел мучительную смерть Сяо Чжунцзы и понял: будущее зависит не от мастерства или таланта, а от покровительства и связей. Даже гений, столкнувшись со старым евнухом, практиковавшим десятилетиями, не избежит смерти.

Поразмыслив, он продолжил тренировку. К полудню в его Даньтяне накопилось более двадцати нитей Ци.

Во время послеобеденного урока поклонов Ли Пинъань направил Ци к коленям и лбу. Удары о пол звучали громко, но боли он не чувствовал. Он уже начал гордиться собой, что нашел способ схитрить.

Хлоп!

Соевый боб ударил его прямо в колено. Несмотря на защиту Истинной Ци, пронзительная боль прошила ногу.

В этот момент раздался тонкий, пронзительный голос евнуха Сюй:

— Во дворце можно хитрить с чем угодно, но только не с поклонами. Если на лбу не будет крови, кровь потечет из шеи...

<http://bllate.org/book/18511/1779138>